

Книжные труды московских поморцев конца XVIII — первой трети XIX в.

Московская поморская община, окончательно сформировавшись как единое целое и заняв принципиально отличную от федосеевской точку зрения по вопросу о браке, в 1796 г. создала собственную общественную моленную по примеру Преображенского кладбища, получившую название Монинской по фамилии владельца участка купца В.Ф. Монины¹. С конца XVIII в. и вплоть до 30-х гг. XIX в. эта моленная стала средоточием церковной и книжно-литературной жизни московских поморцев.

«Тщательным писателем о разных предметах в защиту Христовой церкви и в обличение врагов ея» был, по свидетельству Павла Любопытного, первый наставник общины Василий Емельянов (в старообрядческом крещении Филипп, 1729–19.04.1797)². Государственный крестьянин, по всей видимости, села Покровского, в XVIII в. входившего в черту Москвы, в 1780-е гг. он жил в доме купца Ивана Абросимова на Немецком рынке; об этом свидетельствовал в автобиографии его ученик поморец Андриан Сергеев, обучавшийся у своего учителя грамоте, литературным навыкам, церковному пению и «писать же печатным почерком и певчая книги». Он называл Василия Емельянова «мужем просвещенным, добродетельным и почтенным»³. По свидетельству Павла Любопытного, это был «муж благочестивый и примерной добродетели», блестящий полемист, «знатный собиратель священных предметов древности» и «редкий» собиратель «предков своих и настоящих мужей истории и творений их»⁴.

Перу Василия Емельянова принадлежали преимущественно полемические сочинения; центральным для него был вопрос о браке, по этому поводу он полемизировал как с федосеевцами, так и с филипповцами. Среди его наследия — послания «о назидании церкви» в Выговскую киновию, слова к колеблющейся пастве, «апология» о «бытии антихриста в мире» и «показание о положительном дейст-

вии святого крещения нерукоположенных мужей» (т.е. в защиту практики крещения, принятой у беспоповцев). Существовали и «другие его изящные творения, ограждающие Христову церковь и просвещающая ея пути веры и нравственности». Однако выдающемуся исследователю старообрядческой книжности В.Г. Дружинину списки сочинений Василия Емельянова остались неизвестными⁵. Лишь недавно были обнаружены тексты некоторых из них («Исповедание» и пять писем)⁶; и хотя они составляют весьма незначительную часть творческого наследия московского наставника, однако дают достаточно полное представление о том, как в дискуссии с выговскими отцами формировались собственные взгляды Василия Емельянова и как постепенно получила признание отстаиваемая им форма брака.

Большой вклад в организацию внутренней жизни московских поморцев внес третий настоятель общины, видный деятель староверия Гавриил Илларионович Скачков (1745–15.08.1821). Им были составлены «Канон Всемиловитому Спасу» с краегранесием «Спасителю Христе, благослови брак сей», певаемый во время сочетания брака, «Епитимийник», «Устав, или Правила для прихожан Монинской часовни»⁷; благодаря его усилиям было получено разрешение на ведение метрической «Бракозаписной книги».

Г.И. Скачков был выдающимся поморским писателем. Павел Любопытный дал следующую характеристику книжным трудам московского наставника: «Муж благочестивый и ученый, славный писатель прозою и стихами о разных и многих предметах в защиту и утверждение Христовой церкви и обличение врагов ея»⁸. Справедливость этой оценки подтверждает не только количество указанных Павлом Любопытным сочинений, но и разнообразие их тематики. Помимо сочинений уставного характера (сохранившихся и опубликованных) перу Г.И. Скачкова принадлежал ряд полемико-догматических

произведений: в защиту старых обрядов (в частности, двуперстного крестного знамения, «однолитерного» написания имени Спасителя), беспоповского учения о нужнопотребных таинствах, против единоверия и с критикой федосеевских и филипповских взглядов на царское богомолие и брак. К сожалению, эта часть творческого наследия Скачкова не сохранилась (возможно, существует в рукописях анонимно); по свидетельству Павла Любопытного многие рукописи Скачкова погибли в Москве в 1812 г.

В копии 1833 г. до нас дошло написанное Г.И. Скачковым около 1814–1815 гг. «Исповедание сердечное и устное православного христианина»⁹, в котором к толкованию общеправославного Символа веры был добавлен ряд положений старообрядческого характера (о двуперстной форме благословения, о трехсоставном четверочастном кресте, о почитании мужей и жен, пострадавших «за древлецерковное православное содержание»), а также составляющих предмет полемики с поповцами (о нужнопотребных таинствах) и другими беспоповскими соглашениями (о возможности бессвященнословного брака, поклонении святым мощам, находящимся «во обдержании инославных»). Завершается «Исповедание» акростихом с именем автора. Авторство московского наставника и дата написания — 29 июля 1821 г. (т.е. за полмесяца до смерти) указаны в выполненной с подлинника копии «Исповеди приходящему во гресех»¹⁰.

Дети Г.И. Скачкова также были прихожанами Покровской моленной: сын Ульян с женой Домной Игнатъевой, дочери Марья с мужем Андреем Сергеевым и Евдокия (1786–1862) с мужем — иконописцем Захаром Федоровичем Брониным (1776–1836). Выросшая в доме писателя-книжника, младшая дочь Г.И. Скачкова Е.Г. Бронина занималась перепиской рукописей. В составе собрания А.И. Хлудова сохранилось четыре сборника, переписанных и, видимо, составленных ею в 1823–1824 гг.¹¹ Примечательно, что один из них представляет собой объемистый том почти в 800 листов и включает редчайшие сочинения св. Киприана Карфагенского в переводе с латинского 1768 г. Среди переписанных Е.Г. Брониной произведений — Житие и послание протопopa Аввакума, «Книга» (собрание слов) Спиридона Потемкина, полемические старообрядческие сочинения XVIII — начала XIX в. В коротких записях в конце

книг переписчица указывала не только время написания, но и характер и происхождение оригинала, например: «А писана была оная книга руками моск[овского] купца Бориса Андреевича Осипова и Гавриила Иларионовича Скачкова и Ивана Алексеевича Дугина или Василья Лвова Жаворонкова, с которой переписана сия рукою Евдокии Гаврил: Бровиной» (сочинения св. Киприана Карфагенского)¹²; «Списана сия книга 1824 года месяца августа, а писала Е.Г. Бронина своею рукою с доставленной от Андр[еяна] Серг[еевича]» («Книга» Спиридона Потемкина)¹³; «Списано с тетрадей Ивана Андр[еевича] Докт[орова]» («Разговор Ильи Алексеевича Кавылина с прочими о антихристе»)¹⁴. Е.Г. Бронина знала греческий язык: на это указывают ее подписи-автографы, в которых кириллические буквы перемежаются с греческими. Ее интересовали вопросы лексикографии: в 1825 г. ею был переписан обширный «Алфавит, или Азбуковник»¹⁵. Редкие старообрядческие произведения переписывал также ее муж Захар Федорович Бронин: у единоверческого протопресвитера Ивана Петровича Полубенского он раздобыл небольшую подборку сочинений, касающихся спорных писем протопopa Аввакума, а также пока единственные списки анонимного сочинения «Сомнение, чесо ради отлучаемся великороссийския церкви» (85 пунктов) и Ответов И.А. Ковылина на 55 вопросов принадлежавшего тогда к дьяконовскому соглашению Б.А. Осипова¹⁶.

Собственные литературные навыки семейства Брониных проявились позже, когда они перешли в единоверие: Захар Федорович — около 1827 г., а Евдокия Гавриловна — в 1833 г. Тогда же она написала подробное повествование об этом событии в своей жизни и опубликовала его десять лет спустя¹⁷. Сентярем 1835 г. датируется сочинение З.Ф. Бронина под названием «Благой совет для старообрядцев, отделяющихся от святых соборных апостольских грекороссийския церкви»¹⁸. Данное произведение, содержащее преимущественно свидетельства сохранения таинства евхаристии, автор рассматривал как своеобразное продолжение «Повествования» своей супруги, к написанию которого он также имел отношение. Говоря «о ненарушимом православии святых церкви», З.Ф. Бронин отсылает читателя

к нашему же сочинению, писанному 1833 года месяца ноября, от лица супруги моей, под на-

званием Повесть о обращении от согласия поморцев к святой соборной апостольской грекороссийской церкви, в котором сочинении означено то, чем соблажняются старообрядцы, и имеются краткие доказательства о имени Иисус, о служении на пяти просфорах, о трикратном аллилуиа, о четвероконечном кресте и прочее¹⁹.

Другим видным поморским деятелем того времени, писателем и полемистом, был старший зять Скачкова Андреян Сергеев. Сохранилась его автобиография, доведенная до 1813 г. и содержащая целый ряд неизвестных ранее фактов²⁰. Андреян Сергеев родился в Москве, в Преображенском, 18 августа 1769 г. Его отец, московский купец Сергей Максимов, и мать, Наталья Степанова, «фабриканты шелковых и парчевых материй», умерли от чумы в 1770 г. Сироту воспитывали сначала родственники, крестьяне подмосковной деревни Дубровки (1770–1780), затем крестьянин-старообрядец Михаил Степанов, живший в селе Пушкине и ранее работавший на фабрике его родителей. В 1783 г. Андреян Сергеев был привезен в Москву и

отдан в научение грамоты и к воспитанию жившему на Немецком рынке в доме купца Ивана Абросимова крестьянину экономическому Василью Емельянову, настоятелю или отцу согласия брачующихся старообрядцев, мужу просвещенному, добродетельному и почтенному, у которого научен грамоты и писать и несколько пению старообрядческому и писать же печатным почерком и певчие книги. По прожитии же у него трех лет оным отцем отдан в торговый промысл к московскому купцу Терентью Дмитриеву Пивовару, человеку доброму и похвальному старообрядцу, в соседстве живущему. И 1788 году определен к торгу хлебному в лавку при доме его, где живши в 1790 году, выключась ис крестьянства, записался в московское купечество²¹.

13 июля 1794 г. Андреян Сергеев женился на старшей дочери Гавриила Скачкова двадцатилетней Марье Гавриловне.

1799 года на 30 году рождения своего начал учиться грамматике у своего тестя, которую науку он был знающим. А с 1800 года по 1806 год проходил логику, метафизику, или науку стихотворства, нравственную философию, частию риторикку, юриспруденцию, или законоведение. С 1789 года по 1805 год половинными частями барышов от торговли приобретши изрядный капитал, и в сем 1805 году начал торговать собственно своею суммою²².

В 1806 г. Андреян Сергеев был избран попечителем общественного богаделенного дома, что побудило его составить подробные правила для этого учреждения:

которое сочинение содержит в себе совершенное означение должности попечительской, полный порядок такового дому благочиния, как живущим в оном и виды обязанностям их, так и книги приходов и расходов и другим потребностям, к сему дому надлежащих, какового учреждения до его вступления более десяти лет оный дом не имел²³.

Однако недостаточный успех в борьбе с замирщением части прихожан побудил его спустя 3 года и 8 месяцев при поддержке тестя Г.И. Скачкова и свояка З.Ф. Бронина сложить с себя «должность попечительскую»²⁴.

До 1813 г. Андреяном Сергеевым было написано 12 полемических произведений, направленных преимущественно против федосеевцев. Всего же его творческое наследие включало около 40 сочинений, в том числе «Явное показание о перемене догматов и обрядов» в официальной церкви, «Апологию о святом и еретическом крещении», сочинения о богомолии, о единоверческой церкви и обличение против старообрядческих сочинений своего времени²⁵. Большой интерес представляет обнаруженное недавно его сочинение «История о Филимоне Федорове Осинине, купце московском, старообрядце, с 1821 по 1824 год»²⁶, содержащее рассказ об уроженце Афанасьевской волости Ярославской губернии (даты жизни 14.11.1752–13.06.1814)²⁷, его родителях, детстве, супружестве, присоединении в 1770 г. к федосеевцам и переходе в самом конце жизни в Белеве к поморцам; это обретение истинной веры стало, по мнению автора, причиной нетления его мощей (был похоронен на Преображенском кладбище), чего никак не хотели признать федосеевцы.

По свидетельству современников, Андреян Сергеев был не только автором уставных, полемических, исторических, сатирических и стихотворных произведений, но и создателем лицевых картин. Павел Любопытный в перечень творений Андриана Сергеева включил «живую и убедительную, духом благочестия пылающую лицевую картину отличных и родовых творений мира, очевидно поражающую злочестивых бракоборцев, феодосиан»²⁸. О рисованных настенных листах работы Андреяна Сергеева идет речь в письме к нему Дмитрия Федорова Болотова из Петербурга от 23 июня 1838 г. (в это время имя исполнителя прочно ассоциировалось с пропагандой наречного пения):

Весьма приятно мне приглашение Ваше на приобретение вещей новаго приращения к

достойным внимания произведений трудов ваших. Но эти вещи ничто иное как естамбы, требуют открытости для местоположения их, но моя зависимость и влияние, под которым я нахожусь, служат большим неудобством воспользоваться сим приглашением благосклонного ко мне расположения²⁹.

Как нам удалось установить, одним из деятельных прихожан Мониинской моленной был известный старообрядческий писатель и библиограф Павел Любопытный (1772–1845). Ценные биографические сведения о нем содержит написанная в критических тонах «Жизнь Павла Онофрева Любопытного»³⁰. Он родился в селе Фроловском Юрьевского уезда Владимирской губернии, вотчине помещика Жеребцова, в крестьянской семье Ануфрия Дмитриева и Агафьи Федоровой Сукиных. После смерти отца мальчика взял на воспитание его родной дядя московский купец Терентий Дмитриев Пивовар³¹, в доме которого на Немецком рынке стала работать стряпухой и мать Павла. Здесь будущий библиограф был «научен грамоте и писать», а в 15 лет дядя определил его в свою лавку «к торговле хлебным товаром»³². Это было в 1787 г., следовательно, совершенно очевидно, что именно к этим годам восходит его знакомство со сверстником Андреяном Сергеевым, также торговавшим в хлебной лавке Т.Д. Пивовара в 1786–1790 гг. Однако, в отличие от Андреяна Сергеева, «к торговле Павел оказался неспособным, ни к продаже, ни к покупке товаров... пользы хозяину никогда не приобретал, кроме убытка». Через своего дядю, влиятельного члена поморской общины, или через Андреяна Сергеева юноша познакомился с Г.И. Скачковым, «который приохотил его учиться грамматике и прочим наукам» (по свидетельству жизнеописания, «начал он учиться грамматике и другим книгам учебным в городских народных училищах»). Сложившиеся в эти годы связи позволили Павлу Любопытному вскоре занять достаточно видное место в кругу московских поморцев. «Таково усердие к наукам и уклонность его от торговли» стали причиной дядюшкиного недовольства. В этих трудных обстоятельствах свое сочувствие к Павлу выказал его двоюродный брат Максим Терентьев: за 700 руб. он выкупил его у помещика Жеребцова и записал в московское мещанство. Именно в это время Павел взял себе фамилию Любопытный «и возродилась в нем великая охота к разным сочинениям»³³. Однако представление его о себе как о филосо-

фе плохо совмещалось с теми унижительными занятиями черной домашней работой, к которым по своему нерасположению его определил дядя. В результате Павел Любопытный около 1813 г. был вынужден перебраться в Петербург, где «поступил в служащие к биржевым подрядчикам для отсылки разных товаров в Москву и другия города»³⁴. В северной столице он снова активно включился в староверческие дела и продолжил писательский труд, о котором современник отзывался достаточно нелицеприятно.

В «Словаре» Павел Любопытный указывает почти сто своих произведений, однако в рукописях известна только десятая часть³⁵, поэтому, видимо, есть основания согласиться с другим его современником, которого он считал покровителем, Дмитрием Федоровым Болотовым, писавшим Андреяну Сергееву 23 июня 1838 г.:

Есть у нас в Питербурхе и свои литературные новости: к числу сочинений Павла Ануфриевича вновь в начале нынешнего года прибавились названия книг, которые, кажется, и существуют толко в названиях³⁶.

В 1803 г. Павел Любопытный составил «Устав брачный правоверного староверчества» московской Мониинской моленной, который включал «Предварительные наблюдения законных браков», «Порядок законного брака», «Брачные обеты вступающих в супружество»³⁷.

Имеющие самостоятельную ценность писательские труды Василия Емельянова, Г.И. Скачкова, Андреяна Сергеева и Павла Любопытного вместе с тем отражают и общий высокий уровень книжной культуры московских поморцев. В этой общине сохранялись восходящий еще к первым годам староверческого движения глубокий интерес к вопросам веры и хорошее знание текстов Священного Писания, сочинений отцов церкви и духовной литературы. Период 1780-х — 1820-х гг. был временем активных книжных штудий и создания обширных догматико-полемиических сочинений в среде поморского староверия Москвы.

Образцом ревностной защиты староверия и коллективного, по примеру выговских отцов, труда над составлением ответов приверженцам официальной церкви являются обширные, изобилующие ссылками на авторитетные источники старопечатные и современные издания Ответов на 27 вопросов, которые мы с уверенностью благодаря прочте-

нию акростиха (в обратном порядке) можем атрибутировать В.Ф. Мониному³⁸. В этом сочинении, написанном достаточно ясным слогом («кроме всякого краснословия и умственных расширений»), дается подробное изложение широкого спектра вопросов: о расколе русской церкви, разделении в самом старообрядчестве, вынужденном в беспоповстве отсутствии священства, нужнопотребных таинствах, об истинных и мнимых чудесах, о почитании икон, о «беглых попах» и наставниках. Желая в духе времени обвинить старообрядцев в «невежестве», «вопросозадатели» считают, что основные предметы разногласий старообрядческой и новообрядческой церкви — форму крестного знамения, хождение посолонь, служение на семи просфорах и т.п. — их оппоненты «самоумышленно догматами называют» (вопрос 23)³⁹. Составитель ответов показывает «нелепость» подобного «вопрошения», поскольку перечисленное является преданием, «взаконением», правилом и, следовательно, исходя из греческой этимологии слова, догматом св. Церкви, «в чем со мною творцы новых и древлепечатных книг и церковные учителя... согласны»⁴⁰. Старообрядческий автор приглашает представителей новообрядческой церкви к дальнейшей дискуссии: в течение трех дней «объявить», «кои ответствования вы почитаете несправедливыми», и в течение месяца «извольте это на вышепоказанном основании и доказать»⁴¹.

Хотя данное сочинение и подписано именем Василия Монины, есть некоторые основания полагать, что он был не единственным его автором. Павел Любопытный называл Г.И. Скачкова

первым участником в творении разительных, убеждения и благочестия исполненных, московского купца Федора Монины, ответов ревнителям и усердным защитникам никоновских догматов и обряда, обозреваемых не раз с изумлением московским митрополитом Платоном⁴².

Подобный случай полемики, в котором со стороны поморцев выступал В.Ф. Монин, стал предметом повествования, получившего заглавие: «История о имевших в сем деле участие»⁴³. Анонимный автор рассказывает о том, как представители официальной церкви неудачно инициировали противостарообрядческую полемику: «вопросозадателем» выступил московский купец Григорий Иванов Насонов, сочинителем вопросов — «сельский дьякон церкви Николы от Шахмы», «справ-

щиком» вопросов — московский купец Илья Иванов Шибакин, староста церкви св. Параскевы Пятницы в Замоскворечье. В трехмесячный срок ответы (на 15 тетрадах) были составлены московским мещанином зарайским уроженцем Алексеем Яковлевым Зайцевским,

с коих тетрадей все ответы списав в шестнадцать часов на один лист вышеозначенной купец Василей Федоров Монин, он же и подал оной лист купцу Григорью Насонову⁴⁴.

Насонов «с товарищи»,

силою писания обоюдоустрога меча бывше поражены, тогда обращают свои взоры к его высокопреосвященству Платону, просят его о помощи.

Однако просители были обескуражены ответом московского митрополита:

Сие не вашего ума есть дело, когда уже доволно противу расколников напечатано книг, или вы умнее и сведущее нас?⁴⁵

Незадачливые «вопросозадатели» лишились не только поддержки митрополита Платона, но и ста рублей, положенных в залог зарайскому мещанину Льву Иванову Зайцевскому, «торг производившему в Москве в нижнем игольном ряду от купца Монины», «коими деньгами» они «яко виновныя поступились ответчику за невозражение Монины», «и поныне оной трояшке стыдно»⁴⁶. Действительно, в перечне сочинений А.Я. Зайцевского Павел Любопытный указывает

живые и занимательные, духом благочестия и убеждения пылающие двадцать ответов ревностным любителям догматизма и обрядов Никона патриарха и содружбникам московского митрополита Платона, не раз обозревавшего оные с изумлением⁴⁷.

Трудно сказать, с одним или разными эпизодами связаны 27 ответов, подписанных именем В.Ф. Монины, и изложенная история, однако не вызывает сомнения то, что московские поморцы, имея в своих рядах людей образованных и книжных, чувствовали себя вполне уверенно во всех случаях, когда к ним обращались взоры миссионеров синодальной церкви.

К сожалению, о подлинном размахе писательских трудов поморских авторов мы можем судить только по перечням Павла Любопытного⁴⁸, тексты самих произведений неизвестны; по всей видимости, в рукописной традиции они сохранились как анонимные и еще ждут своей атрибуции. Вопросам креще-

ния были посвящены сочинения Василия Емельянова, А.Я. Зайцевского и Г.И. Скачкова. В защиту принятого у поморцев богомолия писали Иван Филиппов (1725–1798) и Г.И. Скачков.

Живой интерес у поморцев вызывала тема антихриста, причем здесь наблюдался целый спектр мнений. Иван Козмин Медник (1726–1792) собирал свидетельства из писания об антихристе и о пророках Енохе и Илии; «преогромную» книгу о бытии антихриста написал зарайский, затем московский купец Семен Матфеев Ланин (1724–1786). Василий Емельянов, собравший «обоюдности исполненную» «апологию» об антихристе, по словам Павла Любопытного

относительно бытия антихристов в мире чувственно или духовно твердо держал нейтралитет и признавал за излишнее о том спорить, яко не до веры принадлежащий предмет⁴⁹.

Колебался между двумя точками зрения также А.Я. Зайцевский, склонявшийся «более до обоюдного мышления, духовного и чувственного». «Защитником бытия чувственного антихриста в мире и тщательным собирателем в защиту и подкрепление сего предмета мнений св. отец» был московский купец Борис Андреевич Осипов (1735–1798). Им были составлены 55 вопросов, на которые отвечивал И.А. Ковылин⁵⁰; завершающие сочинение «Вирши к читателю» содержат акростих с именем Б.А. Осипова⁵¹.

Многочисленные сочинения об антихристе свидетельствуют об остроте восприятия московскими поморцами переживаемого ими времени. Эсхатологические ожидания не сглаживались ни устойчивостью личного социального положения, ни относительно спокойным в это время существованием всего старообрядчества. Серьезное отношение к этому вопросу не мешало, однако, поморским авторам иногда с иронией рассказывать о случаях, когда не оправдывались чересчур конкретные ожидания второго пришествия.

В анонимном поморском сочинении «О погрешностях, что и святии яко человецы в разсуждениях писания погрешали» упоминается о том, что некоторые из поморских знатоков, а именно московские купцы Семен Матвеев Ланин, Иван Козмин Крестовщик «глухой» и Федор Аникин Зенков, отнесли конец света на 1782 и 1785 гг. Из них Семен Ланин, «решительно разчисля, назначил быть Второму пришествию в 1785 году и в ночи на Святую Пасху»⁵². Об этом он напи-

сал выговскому киновиарху Андрею Борису, вскоре отправил и другое письмо, в котором сообщал, что

на всю братию по зимнему пути послано от него яйцкой свежей рыбы осетров и белуги, дабы оною в праздник Святыя Пасхи разговелись⁵³.

Получив такие извещения, настоятель выразил благодетелю свое «сомнение»,

возможно ли будет им оною рыбою разговеться в день Святыя Пасхи, когда в монастыре обеды бывають в полуденные часы, а страшному суду назначено быть ранее за двенадцать часов, в полночь.

«Но разве потому не успеем ли мы разговеться, — спрашивал адресата Андрей Борисов, — что разве в Москве по теплomu полуденному климату прежде начнется всемирный суд, а у них в Олонецком наместничестве по северной холодной атмосфере после?»⁵⁴ «Какое письмо Семен Ланин, получа, — сообщает далее повествователь, — читал с неудовольствием и повергал его многократно об пол, а киновиарха Андрея поносил и злословил несмысленным и маловерным»⁵⁵. Когда в назначенный день конца света не случилось, Семен Ланин, «не приведя в точность» свои расчисления, выехал на Выг, где в январе 1786 г. «кончил жизнь свою прежде всемирнаго суда». Однако в Москве остались его крайне недовольные родственники, которые, следуя его словам, распродали все имущество и теперь были вынуждены «вновь разживаться одеждою и прочим»⁵⁶. Достоверность своего рассказа автор подкрепляет ссылкой на эти события «самовидца» Г.И. Скачкова, через которого велась переписка.

В первой четверти XIX в. Мони́нская молельная прочно заняла видное и самостоятельное место в староверческой жизни Москвы и России. Мони́нское согласие было образованнейшей частью московских беспоповцев. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют обширные книжно-литературные труды поморцев-москвичей, являющиеся прямым продолжением выговской традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Юхименко Е.М. Поморское староверие в Москве и храм в Токмаковом переулке: К 100-летию освящения поморского храма в честь Воскресения Христова и Покрова Пресвя-

той Богородицы в Токмаковом переулке. М., 2008. С. 21–29, 51–58.

²Подробнее см.: Юхименко Е.М. Емельянов Василий // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 436–438.

³Хвальковский А.В., Юхименко Е.М. Поморское староверие в Москве // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. [Вып. 2]. С. 318.

⁴[Любопытный П.] Исторический словарь 86 раскольничьих отцов и учителей: Каталог Павла Любопытного. Б. м., б. г. С. 28.

⁵Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 168–169.

⁶Хвальковский А.В., Юхименко Е.М. Поморское староверие в Москве. С. 316; Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 2006. С. 497–498, № 50–54. Письмо Федору Аникину от 20 января 1774 г., на наш взгляд, Василию Емельянову не принадлежит.

⁷Общий перечень сочинений Г.Л. Скачкова см.: Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 251–255. Основные сочинения изданы: Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве, федосеевцев Преображенского кладбища и Поморского монинского согласия, собранные Николаем Поповым. М., 1870. С. 28–74, 78–92 (второго счета). Канон опубликован также: Первый Всероссийский собор христиан-поморцев, приемлющих брак. М., 1909. С. 119–128 (третьего счета).

⁸[Любопытный П.] Исторический словарь... С. 34.

⁹ГИМ, собр. Хлудова, № 346, л. 131–141 об. Библиогр.: Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 251, № 2. Датируется нами по упоминанию в письме Г.И. Скачкова от 12 июня 1815 г. (РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1004, л. 50).

¹⁰ГИМ, собр. Хлудова, № 346, л. 127–128. Библиогр.: Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 251, № 1.

¹¹ГИМ, собр. Хлудова, № 52, 351–353. Описание см.: Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. С. 55–56, 642–651. В 1833 г. Е.Г. Бронина присоединилась к единоверию.

¹²ГИМ, собр. Хлудова, № 52, л. 24 об.

¹³Там же, № 351, л. 142 (второго счета).

¹⁴Там же, № 353, л. 394.

¹⁵Там же, № 350, л. 1–132 (второго счета).

¹⁶Там же, л. 1–152 об. Известны две подписанных иконы З.Ф. Бронина. См.: Юхименко Е.М., Горшкова В.В. «Иконы всё самые пречудные, письма самого искусного»: Собрание Григория Лепса. М., 2012. С. 136–143. Кат. 36.

¹⁷Бронина Е.Г. Повествование о обращении от согласия поморцев к святой, соборной, апостольской восточной церкви, московского купца Заха-

рия Федоровича Бронина художеством иконописца, супруги Евдокии Гавриловой Брониной. Писано 1833 г. месяца ноября. М., 1843.

¹⁸РГБ, ф. 317 (Филарет (Дроздов)), карт. 2, ед. 9.

¹⁹Там же, л. 15.

²⁰РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1004, л. 70–75 об.

²¹Там же, л. 71–71 об. Эти сведения, сообщенные самим А. Сергеевым не позднее середины 1810-х гг., опровергают восходящий к устным преданиям рассказ о том, что он служил у московского купца и фабриканта, попечителя Преображенского кладбища Лаврентия Ивановича Осипова (1766–1825) и нечестным путем завладел его капиталом (Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Сообщены А.А. Титовым // ЧОИДР. 1892. Кн. 1, отд. I, с. 29–30).

²²РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1004, л. 71 об.–72.

²³Там же, л. 72–72 об.

²⁴Там же, л. 74 об.

²⁵[Любопытный П.] Исторический словарь... С. 22–24; Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 251–255. Некоторые сочинения опубликованы, см.: Материалы для истории беспоповщинских согласий... С. 104–127, 172 (второго счета).

²⁶ИРЛИ, собр. Пухальского, № 18 (середина — вторая половина 20-х гг. XIX в.). Рукопись обнаружена В.П. Бударагиным. Автор установлен нами по библиогр.: [Любопытный П.] Исторический словарь... С. 23, № 10. Следующим номером Павел Любопытный указывает «Стихи на великолепный памятник упомянутого Филимона Федорова, со изъяснением его славы, нетлением своим, очевидно поражающим... заблуждение... федосиан» (приведены в тексте «Истории»).

²⁷Сведения о Филимоне Федоровиче Осинине (Асинине) содержатся также в материалах 5–7 ревизий. Согласно этим документам, он числился купцом 3-й гильдии по Кадашевской слободе, жил с женой Матронею Ивановой (род. в 1753 г.) в Тверской части в приходе церкви Успения на Врешках в доме московского купца Андрея Тимофеевича Заикина (Материалы для истории московского купечества. М., 1887. Т. 4. С. 89; т. 5. С. 19; т. 6. С. 22).

²⁸[Любопытный П.] Исторический словарь... С. 24, № 21.

²⁹РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1004, л. 54.

³⁰ИРЛИ, собр. Пухальского, № 24 (конец 30-х — начало 40-х гг. XIX в.). Благодарю В.П. Бударагина за указание на данную рукопись. Некоторые биографические сведения о П. Любопытном даны в предисловии к публикации его «Исторического словаря», см.: [Любопытный П.] Исторический словарь... С. 3–4.

³¹Сведения названного источника находят подтверждение в материалах ревизских сказок. Согласно данным 4-й ревизии (1782), Терентий Дмитриев (1732–1808) (еще не носивший прозви-

ща, данного ему по профессии) прибыл в Москву по указу Московского магистрата в 1777 г. из отпущенных на волю дочерьми умершего коллежского советника Александра Ивановича Лопухина Марией и Еленой Александровнами крестьян с. Фроловского г. Юрьева-Польского. В 1782 г. у него была жена Наталья Тимофеева (род. в 1730 г., после смерти первого мужа Дмитрия Петрова, экономического крестьянина д. Кривули с. Вохна Московского уезда, вышла замуж вторично) и сын Максим (род. в 1769 г.). Терентий Дмитриев состоял купцом 3-й гильдии по Кошельной слободе и имел собственный двор в приходе церкви Богоявления в Елохове (Материалы для истории московского купечества. Т. 3. С. 306). К 1801 г. он был уже купцом 2-й гильдии и имел торг пивоваренный, в 1808 г. после смерти отца выбыл из купечества и его сын Максим Терентьев (Там же. Т. 4. С. 13; т. 5. С. 327).

³² ИРЛИ, собр. Пухальского, № 24, л. 1 об.

³³ Там же, л. 3, 4.

³⁴ Там же, л. 4 об.

³⁵ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 188–190, № 1–10.

³⁶ РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1004, л. 54.

³⁷ Первый Всероссийский собор христиан-поморцев... С. 109–116 (третьего счета).

³⁸ ГИМ, собр. Хлудова, № 346, л. 1–98. В указатель В.Г. Дружинина вошло как анонимное. См.: Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 351, № 317.

³⁹ ГИМ, собр. Хлудова, № 346, л. 69 об.

⁴⁰ Там же, л. 71.

⁴¹ Там же, л. 96.

⁴² [Любопытный П.] Исторический словарь... С. 36–37, № 23. Возможно, П. Любопытный ошибочно указал Федора Мони́на, который, судя по

его подписи 1797 г., был в это время в преклонных годах.

⁴³ ИРЛИ, собр. Пухальского, № 16 (вторая половина 10-х — 20-е гг. XIX в.). Благодарю В.П. Бударягина за указание на данную рукопись.

⁴⁴ Там же, л. 1 об.

⁴⁵ Там же, л. 2–2 об.

⁴⁶ Там же, л. 2 об.–3.

⁴⁷ [Любопытный П.] Исторический словарь... С. 25, № 2.

⁴⁸ Там же. С. 21–90.

⁴⁹ Там же. С. 28–29.

⁵⁰ См.: Попов А. Описание рукописей... С. 584–586, № 307; Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 223.

⁵¹ ГИМ, собр. Хлудова, № 307, л. 1–313 об. На л. 312 об.–313 об. помещены «Вирши к читателю» с акростихом: «Бориса Андреевича Осипова». Подобное завуалированное указание на авторство было принято в старообрядческой среде того времени: см., напр., акростих в конце «Исповедания» Г.И. Скачкова (Там же, № 346, л. 141–141 об.; Попов А. Описание рукописей... С. 629). Б.А. Осипов — сын «крикс-цалмейстера» Андрея Григорьевича Осипова (ум. 27.10.1792), первоначально принадлежал к официальной церкви, затем присоединился к поповскому дьяконовскому согласию. Духовные поиски привели его к поморцам. Умер в декабре 1797 г., похоронен на Преображенском кладбище (ГИМ, собр. Хлудова, № 350, л. 72 об.).

⁵² ГИМ, собр. Хлудова, № 346, л. 105.

⁵³ Там же, л. 105 об.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, л. 106.

⁵⁶ Там же.